

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 172 (10563)

Воскресенье, 6 июля 1947 г.

ЦЕНА 20 КОП.

«Дядя Ваня» в Художественном театре

После многолетнего перерыва Художественный театр показал в новой постановке пьесу Чехова «Дядя Ваня». Это значительное событие в культурной жизни нашей страны. В богатом наследии русской классики советское искусство находит множество замечательных произведений, которые всегда живы. Наш читатель и зритель по-новому, с высоты нашего сегодня несмотрит на трудный путь героев этих произведений.

То, что было в прежнюю пору неясной мечтой некоторых действительных лиц в чеховских пьесах, на совершенно новой основе, в ином качестве воплощено нашей действительностью. Мечта о труде, как о начале, преобразующем жизнь, стала у нас реальностью. Чехов не смог увидеть тех людей, те общественные силы, которые в наше время завоевали подлинную свободу человеческой личности, раскрепостили таланты русского народа. По чеховские герои остро выражали ценный протест против окружающей их действительности царской России. В произведениях Чехова содержалась резкая общающая критика современного ему общества. По-новому звучат сейчас благородные чеховские слова о прекрасном будущем, о справедливости, о труде, возвышающем человека.

Пьесе «Дядя Ваня» Горький впервые увидел в 1898 году на сцене Нижегородского театра. Он был потрясен пьесой. В письме к Чехову Горький говорит о том, как он «задрожал от восхищения» перед его талантом «и от страха за людей, за нашу бесцельную нищенскую жизнь».

Важнейшие проблемы встают перед современным театром, берущимся за постановку «Дяди Вани». Будет ли спектакль только томительной жалобой на гнетущую духоту политического безвременья десятилетиями? Или в нем прозвучит нечто большее: вера автора в нравственную красоту и силу русского национального характера, мечта о пробуждении дремлющих творческих сил народа?

Нынешняя постановка «Дяди Вани» на сцене Художественного театра пользуется большим успехом. Пьеса смотрится с затененным дыханием, после окончания спектакля зрители, стоя, долго приветствуют исполнителей и постановщиков. Такой успех

трудно объяснить только тонкостью и мастерством игры актеров.

Что же волнует зрителей в унылой судьбе дяди Вани, Сони, Елены Андреевны? Ведь тоска людей, осознающих, что они беспечно и глупо прожили свои жизни, столь далека от того, чем живут советские зрители.

Чехову довелось жить и работать в один из наиболее мрачных периодов русской истории. Политическая обстановка реакции наложилась свою тяжелую печать на его творчество. И в рассказах, и в пьесах Чехова перед нами проходят судьбы людей, сломленных мешаниной действительностью, вынужденных отказываться от высоких и благородных надежд ради скучного повседневного прозябания. По все вышедшее на-под его пера дышит единым чувством протеста против бессмысленных и пошлых общественных условий, мешавших человеку жить свободно, по дававшим ему реализовать свои творческие силы. Ленин указывал, что «революционеры далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов». Эта глубокая мысль направляет наше понимание и чеховского творчества. Именно мысль о необходимости ломки уклада старой России возникает как естественный и необходимый вывод из тех картин русской жизни, которые даны Чеховым. Этот вывод тем более сильно овладевает каждым, кто глубоко входит в мир чеховских образов, что многие его герои, несмотря на всю жестокое убожество жизни, которую досталась им в удел, предстают в повестях и пьесах писателя полными духовного обаяния, сил, неиспользованных возможностей.

Потому так и волнует спектакль Художественного театра, что создавшие его актеры и режиссеры не ограничиваются изображением мизерных будничных условий, в которых проходит жизнь персонажей пьесы. Мечта об иной, еще неведомой им, но разумной и насыщенной трудом жизни охватывает дядю Ваню, Сону, Астрова. И именно потому, что эта мечта стала внутренним действенным спектаклем, окрасив собой все поступки и переживания героев пьесы, зрители, покидая театр, не чувствуют себя подавленными.

Горький подчеркивает, что драмы Чехова «стесняют человека от реалистичности до философских обобщений». Такой обобщенности и достигает спектакль Художественного театра. М. Кедров и работающие вместе с ним режиссеры Н. Литовцева и Н. Сулакян, следуя заветам основателей театра, подчленили изображение скучного провинциального быта главной идейной задачей: выявлению созревавшего в душах героев пьесы протеста против бессмысленности и неустойчивости жизни. Спектакль поэтому светел и мужествен, несмотря на тягостный драматический характер происходящих в пьесе событий.

Таким образом спектакль обязан прежде всего шарлоткой сильной, глубокой и страстной игре В. Добровинова, исполняющего главную роль. Мучительные метания Войничского переданы Добровиновым с покоряющей задушевностью и искренностью. Сложнейшая смена надежд и разочарований, жгучая и любовь, тоска и нежность с прозрачной ясностью отражаются на лице актера — видно, что жизнь Войничского стала как бы собственной жизнью актера. В этом Добровинов следует неслучайным традициям русской национальной сценической школы.

Актр играет Войничского не жалким неудачником, не «прикидалом», натугой цепляющимся за свое право на жизнь. Перед нами возникает натура широкая, порывистая, способная к глубоким и сильным чувствам. В чем крупнее вырисовывается перед нами этот образ, тем сильнее возникает в нас возмущение против общественных порядков, обреченных на творческое бесплодие и гибель эту недюжинную личность.

Войничский у Добровинова восстает против профессора Серебрякова не в припадке истерии. Его протест шире, значительнее. Он восстает против всего строя жизни, при котором торжествовали бездарности, а умные и талантливые люди никому не были нужны. Войничский сам при этом еще не до конца понимает суть своего возмущения. Его отрицание стихийно, носит более эмоциональный, чем сознательный, идейный характер. Но уже и то, что вся его яркая и глубокая натура приведена в движение и

он кричит и бьется в стремлении найти какой-то новый путь в жизни, полно возмущающего смысла.

Эта же тема является центральной и в образе Сони, которую горячо и искренно играет ученица школы Художественного театра Е. Хромова. Молодой актрисе не удалось передать главное в Соне: серьезный, глубокий взгляд на жизнь, притягивающий иной тусклые черты ранней духовной зрелости. Жаль только, что строгость, кое-где переходящая в сухость, Сони все в будущем, решающая черта в ней — устремленность вперед. По Хромовой пока еще мало удался финальный монолог, заключающий пьесу светлым и оптимистическим аккордом: одухотворенность еще подменяется здесь выпрепшностью, позия — декламацией.

Роль Астрова исполняет В. Ливанов. Это талантливый актер, принадлежащий к числу крупнейших мастеров современной сцены. В сыгранном им образе Астрова чувствуется размах, скрытая усталость. Перед нами крупный, сильный, уверенно и просто живущий человек. Ливанов обладает резко выраженной в яркой индизивидуальной исполнительской манерой, и он создал сильный образ. Правда, эта манера несколько не соответствует мягкой акапелье чеховского драматургического штиля. Астров у Чехова еще и мечтатель, умеющий познать до возможной скромную повседневную тяготу своего труда. Хочется, чтобы актер, совершенствуя свое исполнение, показал и эту — очень важную — сторону характера Астрова, позднее раскрыл его образ: чтобы краски на актерской палитре стали ярче, богаче. Тогда убедительнее и сильнее зазвучат знаменитые монологи Астрова о лесе, а на сцене с Еленой Андреевной исчезнет ненужный оттенок слишком откровенной чувственности.

А. Тарасова нашла для трудного и неудачно противоречивого образа Елены Андреевны свежее и интересное истолкование. Елена Андреевна, подобно Войничскому, плет как бы мимо жизни, но в отличие от него она не умеет и не желает найти своего места в действительности. Актриса очень тонко и верно передает все эти черты образа. Но, как всегда у Тарасовой, главный акцент переносится на иное. Где-то в глубине, затененно, в Елене Андреевне бурлят подавленные чувства, мечтания, и под спокойной

холодной обложкой идет неуловимая, но прекрасная игра живых сил.

Чувство возмущения зрителей должно было бы быть сконцентрировано на образе профессора Серебрякова, но он вышел у А. Тарасовой слишком мелким и незначительным. Серебряков у него сменен, неприятен, но не отвратителен, не страшен в своем самодовольном, напыщенном благополучии. Образ Марии Васильевны в этом смысле гораздо выразительнее. Н. Литовцева с саркастической остротой и четкостью играет ученицу барина, давно переправившую все слова о гуманизме, идеалах всего лишь в собрание пустых фраз.

В числу лучших достижений спектакля надо отнести игру Н. Соколовской (Мария) и особенно М. Янина (Вафля). Янин играет Вафлю как доброго, но беспомощного и жалкого старика, достигая трогательной, задушевной лиричности. Это подлинно чеховский образ: он парисован с прозрачной четкостью, глубокой реалистичностью и согрет большим поэтическим чувством.

Серебрянская актриса театра Н. Соколовская очаровывает зрителей в образе Марии необыкновенной простотой и естественностью своих сердечных и искренних интонаций.

Создание необходимого поэтического настроения в спектакле чрезвычайно способствуют декорации художника В. Дмитриева. В них отчетливо чувствуется мягкая, задушевная красота русской природы, которую так хорошо и ярко умеет описывать Чехов.

Стапилавский, подытоживая в своей книге «Моя жизнь в искусстве» опыт постановок чеховских пьес на сцене Художественного театра, писал: «...Глава о Чехове еще не кончена, ее еще не прочли как следует, не выжили в ее сущности и преждевременно закрыли книгу».

Новая постановка «Дяди Вани» служит убедительным свидетельством того, что эти слова Стапилавского не остались втуне. Современное поколение артистов Художественного театра продолжает творческое дело своих учителей и писало сейчас новую прекрасную страницу в историю сценического истолкования наследия великого русского драматурга. Творческий коллектив Художественного театра одержал новую значительную победу.

Е. СУРКОВ.